

Максим Горький

Между прочим

Максим Алексеевич Горький

Между прочим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22115962

Аннотация

«Года два-три тому назад в «Северном вестнике», – журнале, где теперь засел и во всю мочь свищет малюсенький Соловей-разбойник господин Волынский, – была помещена статья В.Соловьёва – «Гроза с востока» Это была хорошая статья, хотя в ней не было ровно ничего приятного для нас...»

Содержание

1	4
2	6
3	12
4	15
5	18
6	23
7	24
8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Горький Максим

Между прочим

1

Года два-три тому назад в «Северном вестнике», – журнале, где теперь засел и во всю мочь свищет малюсенький Соловей-разбойник господин Волынский, – была помещена статья В. Соловьёва – «Гроза с востока»

Это была хорошая статья, хотя в ней не было ровно ничего приятного для нас.

В ней очень доказательно говорилось о том, что со степей Гоби на Россию летит песок и понемножку сокращает у нас количество пахотной земли.

Что он ложится широкой полосой и на волжские степи и в землях Войска Донского и проникает даже до Киевской губернии. И что если мы своевременно не обратимся к лесным заграждениям, так нас, пожалуй, и совсем засыплет.

Статья возбудила толки и вызвала возражения.

Толки и возражения целиком свелись к мудрым русским изречениям:

– Улита-то вдет, когда-то что будет!

И:

– Бог не выдаст, – свинья не съест.

Затем мы позабыли о «Грозе с востока».

Недавно мы сообщили о песчаных заносах в Новоузенском уезде, где засыпано 6035 десятин 1276 сажень, и о том, что новоузенское уездное земское собрание хочет просить министерство земледелия рассадить по песчаным заносам деревья...

Видите? Два-три года тому назад мы хотели заградить деревьями движение к нам песка – ныне уже просим рассадить их на песке.

Пришёл песок-то, значит. Присыпался – и уже мешает жить.

А мы всё ещё собираемся воевать с ним.

И мне думается, что, пока мы действительно соберёмся, засыплет нас песком, совсем, и с ушами засыплет.

И на том месте, где некогда жила-была страна, зовомая Россия, будет необозримая песчаная равнина – жёлтая, пустынная, знойная.

И будут по ней рыскать степные волки, тощие, с поджатыми хвостами и ликом схожие с самарскими горчишниками.

2

Вот вам маленький образец легкомысленных рассуждений по поводу одного из премудрых вопросов...

...Вечерами, когда, изнывая от тоски, я сижу в моей комнате и из всех щелей этой комнаты на меня смотрят тёмные глаза одиночества и меланхоличные тени летней ночи собираются за окнами и безмолвно заглядывают в стёкла их, невольно в душу мне закрадываются мысли на тему: «Не добро человеку быть единому» – и, минорно настроенный, я ухожу в Струковский сад.

Там, по большой скотопрогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течёт самарская жизнь; клубы пыли вьются над ней, слышен запах цветов, тихий шелест листвы, что-то шепчущей закопчённому самарянами небу, слышен смех, слышен говор, и господин Мраз старательно производит большой музыкальный шум, исполняя творения европейских композиторов на зулусский лад.

Там я, холостой человек, Иегудиил Хламида, будущая жертва пенатов¹, сажусь в укромный уголок и из него рассматриваю прекрасных самарянок и прислушиваюсь к музыке речей их, и я смотрю на них с восхищением вплоть до той

¹ Родной дом, домашний очаг. У древних римлян боги – хранители и покровители домашнего очага, а затем и всего римского народа. Каждая семья имела обычно двух пенатов, их изображения помещались около очага – Ред.

поры, пока не вспомню, что, быть может, скоро уж одна из них наречёт меня своим мужем, – и тогда предчувствие сей опасности охлаждает пыл моего восхищения.

Я смотрю на них, – а они дефилируют мимо меня все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли и щебечут, как те грациозные серые птички, которых в деревнях несправедливо и немзыкально имену­ют «трясогузками».

Я смотрю на них и распределяю их на две основные категории: барышни полненькие и барышни худенькие; я знаю, что полненькие барышни – пустенькие, а худенькие – полны бактериями нервных и иных болезней, полны истерических капризов, и хотя всё это пока ещё в потенции, но я знаю, всё это будет актуально через неделю после свадьбы.

Я смотрю на них и думаю: «Вот существа, большинство которых со временем превратится в женщин и матерей, вой­дёт в активную жизнь и будет воспитывать из детей своих мужей, твёрдых духом, и граждан – благородных, бескорыст­ных слуг отечеству».

И я смотрю на модно причёсанные головки барышень пол­неньких, смотрю и думаю – где именно в их чертах помеще­на природой та частица мозга, которая должна выработать ясное представление о гражданских обязанностях матери и представление о том, какие именно люди нужны отечеству, и о том, что такое отечество.

И я сомневаюсь в том, что полненькие барышни имеют

под причёсками какое-либо иное представление об отечестве, кроме того, которое во время оно извлечено ими в пот лица из тощих учебников по истории и географии, и я никак не могу представить себе, что полненькие барышни способны сознательно заглядывать в будущее и точно представлять себе те задачи и ответственность, которые ждут их впереди.

И я испытую взглядом направление мысли у барышень худеньких, отчаянно стреляющих глазками семо и овамо, я смотрю на них и вижу: свирепо перетянувшиеся корсетами, воспитанные как бы только на фиалках и лунном свете, анемичны и тощи они, и мне думается, что, когда у них будет по паре детей, к тому времени они приобретут по дюжине болезней тела и души...

И глухая скорбь сосёт мне сердце, ибо я не вижу в барышнях – будущих матерей, достойных этого имени.

...И тогда много тревожных и мрачных дум возникает в уме моём.

С какими душевными ресурсами и с каким моральным фондом примутся эти барышни за построение семьи, которая должна быть школой, имеющей воспитать в их будущих детях любовь к родине, стремление к подвигу во имя её, благородство духа, понятие о чести и о справедливости и многое другое, что в конце концов человеку всё-таки необходимо воспитать в себе, дабы тем оправдать узурпаторски присвоенное им право на звание высшего животного.

Есть ли у них представление о важной ответственности,

которая ждёт их, матерей, в будущем, понимают ли они, что им придётся созидать будущего человека, имеют ли они представление о том, что нужно делать для того, чтоб дети не были точными копиями своих слабосильных и нежизнеспособных родителей, людей, устроивших себе такую бесцветную, скучную и нищую духом жизнь, как жизнь современная?

Что, наконец, кроме тела, принесут они мужу, чем, кроме поцелуев и объятий, могут облегчить его жизнь, что новое и не изведенное им внесут они с собой в сферу его духовной жизни, – если предположить, что у современного мужчины стремление к духовной жизни есть, а не иссякло уже под гнётом будничном жизни и её омертвляющих душу мелочей?

Что может принести с собой современная женщина современному мужчине, вступая с ним в союз?

...Я поднял вопросы старые, избитые в пыль, размолотые жерновами российского красноречия, – но всё-таки не разрешённые по существу.

«Жизнь есть труд», – говорит Тургенев; это «глупо, как факт», – говорит Бальзак, но это факт – жизнь есть труд.

Она требует серьёзного отношения к себе, и всякое легкомыслие терпимо ею только до времени, но время придёт и принесёт с собой жестокое наказание тем, которые относились к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно... она поставит в счёт каждый ваш ложный и неосмотрительный шаг, и когда вы будете подводить ито-

ги ей, в конечном может получиться роковой и ядовитый вопрос – зачем мы жили?

Мы живём в странное время оскудения энергии, в равнодушные, скептически тусклые дни, и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаниями, оживить её поступками, облагородить мыслью и всячески сделать её более разумной, живой и разнообразной; мы ничего не делаем в этом направлении, прикрываясь от укоров совести, как щитом, нашим ампула маленьких, шаблонных, дюжинных людей.

О женщины, что сделать вы б могли
Для родины, когда бы вы хотели!

– вздыхает Леопарди в одном из своих жгучих и мрачных сонетов и через несколько строк с тоской спрашивает от лица мужчин:

Но что вы в нас будили в наши дни?
А дальше спрашивает себя:
... Кто виноват в беде земли родной?
Скажите мне, о женщины, не вы ли?

Он был итальянец, этот Джакомо Леопарди, и его стихотворение адресовано итальянкам...

Я считаю нужным заявить об этом для того, чтобы облегчить русским женщинам возможность не признавать за его

вопросами ни смысла, ни значения, чем они, наверное, и воспользуются.

3

Амплуа фельетониста – очень нелёгкое амплуа, скажу я вам.

Сядишься за стол и берёшь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни, совершившееся за истёкший день.

Оказывается, что жизнь за истёкший день, как и за все ранее его истёкшие дни года, никуда не подвинулась.

То есть в ней есть движение, но это только потому, что она разлагается...

Видишь это и думаешь:

«Весьма печально, но вполне естественно».

Переходишь к проявлениям обывателями своих чувств и своей морали.

На этом пути – лежит красный камень преткновения, а вокруг него произрастают разные другие колючие тернии.

Дойти сквозь них до публики ясным и точным фельетонисту удаётся редко, и большинство обывателей хотя и ведёт [себя] зазорно и достойно осмеяния, но...

И даже «но» не только с запятой, а и со знаком восклицания – «но!».

Приходится искать «линии наименьшего сопротивления» своему желанию сказать правду, и таковые находишь в лице людей, которым решительно всё равно, обличают их в газете

или нет.

Ибо они грамоты не знают и по сей причине газет не читают, в чём им – в скобках говоря – нельзя не позавидовать...

Сегодня, например, у меня нет иной темы, кроме оскорбления городского весёлой и буйной женщиной Большаковой и господином Б.

Но и на эту тему я не могу ничего сказать, ибо не знаю, как именно сии субъекты оскорбили городского.

Я могу сказать одно: оскорблять городского – о, госпожа Большакова и господин Б. – очень нехорошо, ибо городской тоже человек.

Могу сказать о предупредительном жулике, который, украв часы 20 августа, заявил хозяйке часов, что он придёт к ней ещё воровать уже только 6 сентября, и никак не раньше.

Раньше ему некогда.

Могу написать мораль и для жулика.

О, жулик! Ты глуп. Так, как ворует ты, никто не ворует. Никогда, жулик, не надо предупреждать о дне, в который ты будешь красть, того, у кого ты будешь красть. Это не принято.

Но, милостивые государи и государыни, я знаю, что всё это скучно и что есть люди и жулики, более нуждающиеся в морали и обличении, чем те, которые приведены мною выше.

Я знаю, что есть очень много людей, коих необходимо ежедневно публично и печатно сечь, – но!..

«Но», милостивые государи! И его никак не обойдёшь.

В моменты решительное чувство самосохранения и трусов перерождает в бесшабашных храбрецов.

Это доказано ещё раз самарскими обывателями, проявившими способность к коллективизму после того, как [их] обгрызли собаки.

Опасаясь, что самарские собаки пожрут самарских жителей, последние обратились к полиции, прося у неё защиты от собак.

И не просто обратились, а обратились коллективно.

Пришли и сказали:

– Заступитесь за нас у собак. Уже близко время, когда они перегрызут всех нас. Пожалуйста, заступитесь. А ежели не сделаете этого, то мы сами станем стрелять по собакам из огнестрельного оружия!

Вон оно куда пошло!

Смотрите-ка, сколько в этой речи храбрости и смелости.

Даже есть некоторый намёк как бы на сознание обывателем своих прав.

И всё это, я уверен, плоды коллективизма, который вызван к жизни собаками.

4

Если вы на улице встретите интенсивно чумазого мальчика с кипой печатной или чистой бумаги в его руках или на его голове, вы можете безошибочно сказать:

– Вот идёт мальчик из типографии!

Мальчик из типографии – совсем особенный мальчик.

Во-первых, он желтоватого цвета – потому что отравлен свинцовой пылью.

Во-вторых, он очень сонного вида – потому что много работает и мало спит.

В-третьих, у него непременно где-нибудь на физиономии, на руке, на шее есть болячка, – это его задело машиной и рану растравил свинец...

Жизнь мальчика из типографии вдвое тяжелее жизни всякого иного мастерового мальчика, ибо он имеет дело со свинцом.

А свинец очень тяжёлый металл, как известно.

Но я не решусь сказать, что тяжелее – свинец или рука типографщика Грана?

Я видел щёку мальчика, на которую упала рука господина Грана.

Щека этого мальчика из типографии господина Грана свидетельствовала, что у господина типографщика претяжёлая длань.

Щека была и синя, и багрова, и разбита в кровь, – и всё это только с одного удара, как объяснил мальчик.

Господин Гран положительно хорошо дерётся...

Жаль только, что для опытов бокса он избирает щёки своих мальчиков, а не свои собственные щёки.

Я бы рекомендовал господину Грану последнее – это более безопасно.

А то мальчики, которых он так усердно лупит по щекам, недовольны таким обращением с ними и могут причинить господину Грану некоторое беспокойство, попросив его к судье для того, чтобы последний объяснил ему, что мальчики, которых бьют по щекам, не могут не чувствовать от этого боли.

Лучше бы господину Грану упражняться в боксе на своих собственных щеках.

Поставить против своей фигуры зеркало и колотить себя, глядя на своё отражение.

А в случае, если господин Гран утомился бы от такого занятия, можно рекомендовать ему пригласить дворника.

Давши сему последнему на чай, – можно получить от него весьма поучительный урок бокса.

Но необходимо дать на чай, ибо дворник, как бы он ни был груб, не станет бить человека даром.

Я могу рассказать, при каких обстоятельствах господин Гран расколотил щёку своего мальчика.

Суть дела в щётке и в кухарке.

Прежде всего щётка.

Есть щётка для кухни и щётка для типографии.

Щёткой из кухни строго воспрещается мести пол типографии и наоборот.

Затем есть кухарка.

Здесь во сто тысяч первый раз подтверждается справедливость французской поговорки:

«Cherchez la femme»²

Кухарка берёт щётку типографии и хочет мести ею пол кухни.

Мальчик из типографии видит в этом явное нарушение распоряжений хозяина, возмущается непочтением к ним со стороны кухарки и щётку ей не даёт.

– Не приказано! У тебя есть своя щётка!

А кухарка идёт к господину Грану и...

Я не знаю уж, что у них там было.

Но только господин Гран выскочил в типографию, наскокил на мальчика и залепил ему полновесную оплеуху.

От этого щека мальчика страшно вспухла.

Вот и вся история.

² ищите женщину – Ред.

5

В четверг, на гулянье общества книгопечатников в Струковском саду, было не особенно много «настоящей публики», но зато в нём присутствовало много оригинальных, шумных и весёлых, чумазных и оборванных маленьких людей, придававших устроенному симпатичным обществом вечеру милейший, задушевный характер.

Это были мальчики из типографий, воспитанники печатного станка, незаметные труженики слова, весёлые искры которых со временем, может быть, разгорятся в большие огни...

«Настоящая публика» не понимала значения чумазных мальчиков и их права на веселье, и часто субъекты из «настоящей публики» покрикивали на мальчиков:

– Ты! Вы, пострелята!

Но пострелят это не смущало, и они задорно, как ерши в садке, снуют между «настоящей публикой».

Играл оркестр господина Моттл, и мальчики кричали ему «браво» и хлопали в ладоши, похваливая маленького барабанщика и солиста на корнет-а-пистоне за то, что оба они так «ловко задувают».

Пиротехник Буров угостил мальчиков фейерверком и удостоился их благосклонного одобрения, чего едва ли дождутся от них те, что заставляют их работать над набором

фейерверков слов и фраз.

Затем мальчикам показывали те орудия, которые их истязают, и машины, сокращающие век мальчиков и здоровье их.

Показывали верстатку и наборную кассу, линейки и рамы и всё другое, с чем ежедневно имеют дело чумазные мальчики.

Они стояли густой толпой пред экраном и кричали, видя всё это:

– Знаем!

Потом им показали Гутенберга.

Мальчики встретили его изображение молча, хотя им сказали, что это именно он изобрёл печатный станок.

Но пока печатный станок ещё только усложнил жизнь мальчиков и не дал им почти ничего хорошего, – они молчали.

Вслед за Гутенбергом они увидели Фонвизина в мундире и с нахмуренными бровями.

Его тоже встретили молча, и только один мальчик заметил:

– Полицейский будто.

Шекспир, гладко причёсанный, с красным носом и с румяными щеками, не произвёл никакого впечатления на мальчиков, но «настоящая публика» заявила, что знакома с ним.

– Это Камознс! – предупредительно сообщил кавалер в пенснэ даме в богатой тальме³

³ плащ-накидка без рукавов. По имени французского актёра Ф. Тальмы, кото-

– Ах, какой здоровый! – сказала дама.

– Это английский генерал Шекспир, победивший Наполеона! – рассказывал человек типа отставных военных, стоявший сзади меня, своему товарищу юноше.

– А говорят, это писатель? – зевая, спросил юноша.

– Врут! – отрезал его собеседник.

За Шекспиром вскоре появился бедняга Третьяков, и на экране вызвавший смех над собой.

Григорович с лицом дипломата появился и исчез, не возбудив никаких толков в публике, кроме чьего-то замечания: «Скобелев в штатском платье».

– Гоголь!

– Знаем! – раздались два-три звонких голоса, прозвучавшие самодовольно и весело.

И мне стало весело...

А трое из «настоящей публики» расхохотались над Гоголем, находя, что у него смешной нос и допотопный костюм.

Впрочем, какая-то барышня нашла его «очень миленьким».

– Писатель Тургенев!

– Знаем! – врассыпную вскричало несколько детских голосов.

С экрана смотрело не публику и мальчиков умное и доброе старческое лицо с задумчивыми глазами, – смотрела и публика на него.

Смотрела и молчала.

Что она могла бы сказать?

И старый поэт, дрогнув, исчез.

И за всеми этими людьми на экране появилось изображение человека, которого я не знаю.

Я несколько испугался, увидав этот портрет.

Он напомнил мне издателя одной газеты, именуемой «Волгарь» и представляющей из себя водянистый волдырь на физиономии поволжской прессы.

Оказалось, что это пиротехник Буров, «мастер фейерверков».

Тут я понял, почему мой знакомый издатель похож на пиротехника, – он чисто пишет в своей газете передовые статьи.

Мальчики смеялись над господином Буровым, видя его рядом с Нестором, Гутенбергом, Шекспиром и другими великими мира сего.

Мальчики были довольны вечером.

Общество книгопечатников, устроив своё гулянье, поступило прекрасно уже по одному тому, что сумело развлечь чумазых крошек – слуг печатного станка.

Я выражаю скромную надежду, что это симпатичное общество и впредь не обойдёт своим вниманием и заботой тружеников-детей.

Общество могло бы, например, показать мальчикам посредством туманных картин и объяснительных чтений, что

сделало для человечества печатное слово, которому они служат пока механически и, может быть, будут служить – кто знает как?!

И затем от души желаю обществу всякого преуспеяния, а его членам солидарности, уважения друг к другу, солидарности, ясного понимания преследуемых целей и точного представления о путях к достижению их...

И снова и ещё – солидарности.

6

...Центром общего внимания ярмарочной публики служат балаганы, вполне удовлетворяющие вкусы, о необходимости развития которых так много говорят...

Пред одним из балаганов ошалелый от водки, которой он «греется», и охрипший от зазывания зрителей к себе в «миниатюрный цирк» субъект, в красном трико, засовывает себе в разинутую пасть голову удава, обвивающего ему шею, и благим матом орёт:

– Видите?! Смотрите!

Змея, окоченевшая от холода, еле движется на его плечах...

– Это что! – скептически говорит парень, с ног до головы выпачканный в муке. – Нет, кабы к твоей-то шее наш Иван Митрич присосался – ты бы узнал, каков он есть, настоящий-то удав...

– Н-да! – вторит ему товарищ...

– Тот поживее ворочается... Тот не токмо что свою голову в чужой рот совать, – он сам живьём людей глотает...

И, довольные своей аналогией, зрители отходят...

Учебный сезон начался, а около трёхсот мальчиков остались с желанием учиться, но, по недостатку места в городских школах, должны получить домашнее воспитание.

Поздравляю Самару – она в скором времени будет иметь ещё целую роту горчишников. Совершенно свежих, ещё не бывших в «делах» полиции и не совершавших разных диких «актов» – роту молодых пареньков, обалделых от скуки и пустоты жизни и развлекающихся творением диких выходов против мирных обывателей.

Обыватели будут жаловаться и негодовать, новоиспечённые буяны и озорники не будут обращать на обывательские вопли никакого внимания, а мудрые люди, основываясь на подвигах горчишников, – будут трактовать о порче нравов и о том, что в доброе старое время буянов и озорников «драли» и «лупили», – отчего и нравы были строже и жилось проще и так далее, и прочее, и тому подобное.

Полиции, которой у нас мало, будет ещё больше дела.

Придёт время, и в городской думе появятся доклады и проекты лучших и удобнейших средств искоренения горчишников...

Сей гласный предложит переловить их и сослать на пожизненное проживание куда-нибудь в дикие страны.

Онный порекомендует отдать их поголовно в солдаты.

А там, глядишь, начитавшись «Света», «Сына отечества» и других специально и специфически патриотических печатных бумажек, – предложит образовать из горчишников вольный кадр и послать их на завоевание Китая.

О мальчиках, не нашедших себе мест в городских школах, я имел суждение с одним из папаш города.

– Как же теперь мальчишки эти? Куда их? – спросил я.

А он глубокомысленно высморкался и бессмысленно изрёк:

– Куда? Это вопрос, стоящий вне компетенции городского самоуправления... У каждого порядочного мальчика, предполагается, есть папаша и мамаша. Сии субъекты и должны ответить на ваш вопрос... Н-да... Они мальчишков народили? Мы их об этом не просили? Так? Ну и... извольте управлять-ся своими средствами...

– Но однако предполагается, что орган самоуправления обязан, до некоторой степени, способствовать развитию грамотности среди...

– Это, положим, есть, но в этом нет солидных оснований. Наука ещё пока не установила точно и незыблемо необходимость и пользу грамоты. Есть даже мудрые мужи, относящиеся к грамоте явно отрицательно. Например, князь Мещерский... со слов сотрудииков его «Гражданина» и «Руси». Прислушайтесь-ка к ним! Можно придти к убеждению, что именно грамота и есть главнейшая причина всевозможных не порядков жизни.

– Помилуйте! – говорю я, сконфуженный.

– Нет, это вы нас помилуйте! Вы не соразмеряете ваших требований с наличностью средств удовлетворения. Ведь городская-то касса пуста? Долгу у города по маковку? А мостовые вам дай? Даём, извольте. Посмотрите-ка: какую мы грязь на Дворянской улице устроили! Думаете, это дешёво стоит? Да вы сообразите – ведь мы люди... и мало этого – люди без денег! А вы пристаёте собак вам перебей, ребят грамоте научи, съезды к Волге устрой, там подмети, здесь почисти, и что же? Расколотся нам на тысячу кусков прикажете? А квартирного налога не желаете?.. Нет, вы вот позвольте-ка нам налоги сочинить – налог на квартиры, на право женитьбы, на право деторождения, на право прогулок за город, на право езды по мостовым на колёсах и полозьях... и ещё там разные налоги... Вот дайте нам их устроить... а мы вам сейчас же за это настроим школ и прочее, что вам там нужно. А это непорядок: того подай, это устрой, а на какие средства, смею вас спросить? Да у города одних непредвиденных расходов тьма-тьмушая! Того напой, этого угости, там гора идёт в реку, здесь земля сквозь землю проваливается; инде – река в Симбирскую губернию уезжает... Школы! Грамота! Да будьте же справедливы, дяденька!

Быть справедливым?

Иногда и это человеку удаётся.

А двести восемьдесят мальчиков тем не менее лишены возможности учиться.

И дальнейшая судьба их не может не беспокоить того, кто смотрит на них как на будущих людей и, может быть, ценных граждан.

Быть может, среди них есть таланты.

И уж, наверное... Иван Китаев, десятилетний человек, прибывший в Самару из Баку по этапу в арестантской одежде и в компании взрослых воров и разных «потерянных людей» – мальчик Китаев, бежавший из полиции 11 сентября, – при других условиях тратил бы свою сметливость и бойкость на нечто другое, чем побег из полиции и бродяжничество...

Подумайте, мальчик десяти лет – уже бродяга, путешествует по этапам и обучается арестантской премудрости...

Что же из него будет?

Трудно надеяться на хорошее...

Двести восемьдесят мальчиков, не принятых в самарские школы, – уже, наверное, выделяют из себя не одного Китаева.

Домашнее воспитание будет сему сильно способствовать.

Да и чем оно, это домашнее воспитание, лучше того, которое приобретается в тюрьмах у Преступников и бродяг?

Много в нём поучительного – это так, но как мало в этом поучительном умного, чистого, честного!

Слишком много гибнет мальчиков, ибо слишком мало уделяют им внимания.

8

Это было очень странное зрелище.

На Дворянской улице ехала телега, нагруженная кипами казённого вида бумаг. Её конвоировали двое полицейских и приблизительно дюжина каких-то вполне приличных господ...

Конвоиры шли молча, важно и сосредоточенно опустив на грудь головы, и на лицах их застыло выражение непоколебимой решимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.